

— Вращение мн.

Заветное письмо

Сегодня Василю Быкову исполнилось бы 82 года.

Вот уже тридцать лет хранится у меня вместе с боевыми наградами пожелтевший от времени сложенный вчетверо листок почтовой бумаги, испи-
санный мелким красивым почерком.

Почему он оказался рядом с орденом Отечественной войны, солдатской медалью «За отвагу» и значком парашютиста-десантника?

В 1961 году я написал повесть о войне.

Впечатления о боях в марте 45-го в Западной Венгрии, когда наш полк лоб в лоб столкнулся с железной гитлеровской дивизией «Мертвая голова», кровавая каша, в которую буквально с марша окунулись мы — совершенно необстрелянные мальчишки, ужас потерь, трагические судьбы ребят — все это еще кипело и бурлило в памяти, рвалось наружу...

Вот такой всплеск, крик, вошь о войне я понес тогда в журнал «Знамя». Но, несмотря на положительные рецензии, публикация не состоялась.

И начались мои скитания по редакциям. «Октябрь», «Новый мир», «Советский писатель», «Звезда», «Юность». Нет, нет, нет... В «Молодой гвардии» мне откровенно сказали: «Да как вы не можете понять! Такое пынче время, а у вас на войне убивают. Калечат. Зачем это смаковать? Напишите о подвигах, о победах. Тогда и приходите».

И я притих, спрятал рукопись в стол. Но однажды разыскал адрес Василя Быкова и послал ему повесть.

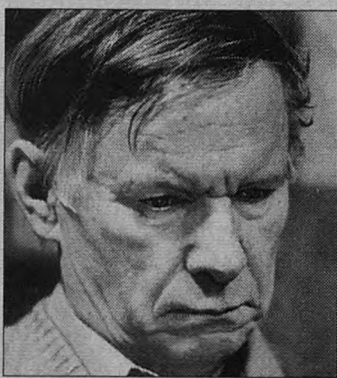
Что он о ней скажет? Может быть, и вправду моей исповеди — дорога в мусорную корзину?

Признаться, я даже не очень рассчитывал на ответ: Быков — в зените славы, станет он тратить время на ответ никому не известному начинающему киносценаристу! Высокомерия и чванства среди наших писателей, увы, хватало.

Но ровно через неделю я получил конверт из Гродно, где жил тогда Василь Владимирович. Это было письмо! И не отстуканное на холодной механической машинке, а написанное от руки.

«Дорогой Анатолий Федорович!

Вы написали хорошую повесть — умную, честную, поэтическую, я читал ее с радостью и удовольствием, которое редко предоставляет печатная продукция ныне. Ряд сцен — бытовых и батальных — впечатляют своей свежестью, точной увиденностью, иные немножко натуралистичны, но это неплохо. У Вас все всамделишное, непридуманное, точно увиденное и лаконично изображенное. Солдатские образы, образы

венгров и Венгрии превосходны.

Но все дело в том, что повесть Ваша в известном смысле не обычная, новаторская, таких не было в печати, стало быть, ее и не напечатают. Ведь у нас издается только среднее, обыкновенное, такое, чему и числа нет. Все же с отклонением от этого среднего уровня не проходит.

Что Вам посоветовать? Даже не знаю. Я не представляю журнал, который бы ее напечатал. Сейчас нет таких. Может, какой-либо из периферийных: «Дон», «Простор», «Север».

Я очень желаю Вам успеха.

И будьте здоровы, пишите еще, у Вас есть способности, Вы сможете и еще лучше.

Жму Вашу солдатскую руку

В. Быков
27 ноября 74».

Стоит ли говорить, чем было для меня это письмо? Произносить такие слова, как благородство, редкая внимательность к совершенно неизвестному автору, человечность и, в конце концов, доброта, которой так часто нам не хватает? Как сказал поэт, «ни убавить, ни прибавить»...

Для меня оно было подобно спасательному кругу.

Правда, повесть свою я увидел напечатанной только спустя еще пятнадцать лет, да и то изрядно искалеченной.

Радости мне эта публикация не принесла. Я давно уже посвятил себя кинодраматургии.

Но письмо из Гродно...

Сколько раз, в минуты горьких разочарований и неудач, когда отчаяние охватывало с особенной силой, я в жажде поддержки обращался к этому сигналу помощи, к его «солдатскому рукопожатию»!

В последние годы я часто думал о Василе Владимировиче, следил за его бесприютной эмигрантской старостью.

И все-таки, как это всегда бывает в нашей жизни, даже если твой друг не рядом, ты все равно ощущаешь его присутствие... Тебе, старику, намного теплее оттого, что он еще есть на этой земле.

Василь Быков ушел. Стало холоднее. словно потерял старшего брата.

АНАТОЛИЙ КОЗАК,
КИНОДРАМАТУРГ